

Четвертая госпожа тут же возразила:

— Бабушка, он же попрошайка! Он запачкает ваш двор!

— Я сейчас же велю вышвырнуть его вон.

Старая госпожа редко хмурилась так сурово:

— Глупости.

— Я делаю это ради твоей репутации. Истинная благородная дева должна обладать не только хорошим воспитанием, но и милосердием.

— Если ты прослывешь заносчивой и злобной, ни один знатный юноша в столице не захочет взять тебя в жены.

— И тогда ты опозоришь не только себя, но и всё наше поместье.

После такого обвинения спесь с четвертой госпожи мигом слетела, но она всё равно недовольно пробурчала:

— Бабушка, ну так позовите ему обычного лекаря. Разве он достоин внимания лекаря Вэня?

Старая госпожа полоснула её острым взглядом.

Барышня мгновенно прикусила язык.

Матушка Чжао нашла помощников, и Гунсунь Сы перенесли в покои старой госпожи.

Обычно матушка Чжао казалась женщиной простоватой, но в важные моменты соображала быстрее многих:

— Фан-эр, старая госпожа неспроста так к нему отнеслась. Глядишь, этот малец и впрямь станет твоей счастливой звездой.

«Какая там звезда! – ...подумал Чжао Фан. – ...Это же сам император!»

Впрочем, вслух он этого не сказал, чтобы не пугать мать.

Двор старой госпожи был совсем другим делом: множество пустых комнат, просторных и светлых – не чета дырявому сараю.

Служанки уже принесли горячую воду. Чжао Фан сам снял с героя окровавленные лохмотья и принялся осторожно смывать кровь, зажимая еще сочащиеся раны.

Матушка Чжао, видя такую заботу, удивилась:

— Не ожидала, что мой Фан-эр умеет так ухаживать за больными.

— Набьешь руку – само пойдет, — небрежно бросил он.

Матушка помогала сыну приводить юношу в порядок. Глядя на переплетенные шрамы на его теле, она сокрушенно вздохнула:

— Бедный ребенок, натерпелся же... Зря я его в прошлый раз побила, зря слушала этих

пустобрех.

— Оставайся здесь вместе с сяо Гу, я о вас позабочусь.

В душе Чжао Фана разлилось тепло. Матушка Чжао действительно любила сына, просто её чрезмерная опека испортила прежнего хозяина тела.

Вскоре прибыл лекарь Вэнь.

После профессионального осмотра он оставил кровоостанавливающую мазь и снадобья для ран.

Тем временем старая госпожа всё ещё оставалась во дворе внучки.

После круга наказаний лица у всех слуг распухли и покраснели. Они стояли на коленях в полном молчании.

Старая госпожа сидела в центре главного зала, величавая и суровая. Окинув всех спокойным взглядом, она медленно спросила:

— Знаете ли вы, за что получили побои?

Слуги не смели рта раскрыть.

Тогда она обратилась к Сяньюй, стоявшей подле четвертой госпожи:

— Сяньюй, отвечай ты.

Сяньюй досталось больше всех: на щеках горели следы пальцев, лицо распухло так, что говорить было трудно. Но послушаться она не смела:

— Мы слуги молодой госпожи и должны направлять её к усердному учению и искусствам, чтобы она стала добропорядочной леди.

— Мы не должны сеять раздоры, причинять беспокойство, поощрять шум и издеваться над другими.

— ...

Эти правила старая госпожа установила давным-давно, но со временем о них позабыли.

Сяньюй перечисляла их одно за другим, запинаясь, но подробно.

Старая госпожа удовлетворенно кивнула:

— Ты не зря считаешься главной служанкой Четвертой девочки, правила помнишь лучше всех. Остальные слышали?

— Слышали, — хором ответили слуги.

— Слышать — это одно, а исполнять — совсем другое, — отрезала старая госпожа.

— На сегодня этот балаган окончен. Сяньюй и прочие, теперь вы поняли, как подобает служить господам?

— Поняли.

Наведя порядок, старая госпожа поднялась. Долгий разговор утомил её. Опершись на руку старой кормилицы, она велела:

— Возвращаемся.

— Служаюсь.

Когда она ушла, четвертая госпожа облегченно выдохнула. Наконец-то старая покровительница убралась! Но что это? Две почтенные няньки и не думали уходить.

Они стояли с бесстрастными лицами:

— Четвертая госпожа, хозяйка велела нам обучить вас порядку.

Они представились – обе оказались опытными распорядительницами из самого императорского дворца.

— Хозяйка сказала, что в будущем вам предстоит войти во дворец, а потому мы обязаны обучить вас дворцовому этикету.

Четвертая госпожа досадливо отмахнулась:

— Завтра поговорим.

Но няньки преградили ей путь:

— Хозяйка велела начать немедленно.

— Да как вы смеете!

Барышню буквально силой потащили учиться манерам. Ни один слуга не посмел вмешаться.

— Идиоты, чего застыли! Остановите их! — Визжала она.

Никто не шелохнулся.

— От рук отбились, совсем от рук отбились! — Бесновалась она. — Запомните этих старых карга, наступит день, и я со свету вас сживу!

Няньки и глазом не повели:

— Можете гневаться, четвертая госпожа, но мы подчиняемся только старой госпоже.

— Вы обе дочери нашего поместья, но дражайшая наложница ведет себя безупречно, в то время как ваши манеры грубы и непристойны...

Не успела нянька договорить, как четвертая госпожа влепила ей пощечину:

— Что ты за тварь такая, чтобы меня поучать!

Нянька даже не уклонилась. Лицо её осталось холодным:

— Через мои руки прошли десятки благородных особ. Я видала капризы и похуже ваших.

— Эй, связать госпоже руки.

— Не смей!

Две незнакомые служанки крепко схватили её:

— Простите, четвертая госпожа.

— А-а-а-а!

Прошла ночь без еды и сна, проведенная на коленях.

Четвертая госпожа была вконец измотана:

— Я хочу видеть бабушку... Я накажу вас, проклятые псы...

Нянька, стоявшая на коленях рядом с ней, была так же голодна, но спокойна:

— Четвертая госпожа, ваша осанка неверна.

— Смотрите на меня: колени вместе, спина прямая, подбородок ровно, взгляд вперед.

— Где бы вы ни находились, вы не должны ронять достоинство резиденции маркиза.

— ...

— А-а-а-а!

Ей хотелось убивать!

Служанка пронесла мимо блюдо с только что приготовленной свининой, и от аппетитного запаха у барышни потекли слюнки.

— Четвертая госпожа проголодалась? — Спросила нянька.

— Еще спрашиваешь!

— Тогда и отвечайте подобающе.

Четвертая госпожа натянула фальшивую улыбку и кротко произнесла:

— Еще спрашиваешь.

— ...

Тяжелый случай.

Чжао Фан всю ночь не смыкал глаз подле героя, боясь, что у того снова начнется лихорадка. К его удивлению, в этот раз всё обошлось – лекарства из дворца явно были сильнее снадобий уличных лекарей.

Под утро, не в силах больше бороться со сном, он прикорнул у края кровати.

Гунсунь Сы снился кошмар. За ним гнались убийцы, ледяное острое меча несколько раз замирало в полусантиметре от горла.

Холод тоже ранит.

Он проснулся в холодном поту, тяжело дыша. Увидев незнакомую обстановку, он мгновенно напрягся, но, попытавшись сесть, обнаружил, что его руку кто-то держит.

<http://bllate.org/book/18123/1739327>